

империи и вторжения варваров. Его произведения—один из лучших источников для изучения этого времени.

Первая работа представляет собой комментарий к трем панегирикам Сидония, снабженный небольшим введением и хорошей библиографией. В комментарии Луайен дает иногда оригинальные решения отдельных вопросов. Например, он выступает против общепринятого мнения, что Сидоний участвовал в том антииталийском движении, которое развернулось в Лионе после смерти Авита. Луайен показывает, что Сидоний отрицательно относился к этому *conjugatio Marcelliana*, как он называет его по имени претендента на императорский престол (стр. 60).

Очень интересную оценку дает Луайен панегирику Авита. «Это,— говорит Луайен,— обращение корректное, но твердое к враждебным силам в италийском сенате и старом дворе, с указанием, что их время кончилось, что их изнеженная политика (*politique de mollesse*) потерпела поражение и что новый император опирается на могущественный народ, на вестготов» (стр. 98).

Любопытно, что Сидоний был вообще близок к Тулузскому двору и вестготов изображал благосклонно, даже как преемников римской культуры, отмечая, что вестготский король читает Вергилия и избирает советников из числа галльской знати (стр. 12). Совсем иначе Сидоний рисует бургундов: это пахнущие чесноком «семистопные» великаны, которые сгибают шестистопный стих. Интересно, что Луайен отвергает эту характеристику Сидония, она, по мнению Луайена, объясняется тем, что бургунды поселились во владениях Сидония, тогда как вестготы были далеко. Это, конечно, замечание не столько ученого, сколько француза, оскорбленного в своем национальном чувстве.

Во второй работе Луайен показывает, что искусственная и манерная литература связана с упадком всего общества. Эта попытка автора изучать литературный стиль вместе с общественным строем (стр. XVIII) весьма интересна.

А. Каздан

Новые работы по тохарской проблеме

1. OTTO MAENCHEN — HELFEN, *The Yüeh-chih Problem Re-examined*, JAOS, t. 65, апрель-июнь 1945.

2. F. W. THOMAS, *A Tokhari (?) Ms*, JAOS, t. 64, январь-март 1944.

Одна из интереснейших и загадочных проблем современного востоковедения, тохарская проблема, после замечательных открытий 1890—1914 гг., не перестает привлекать к себе внимание. Ей посвящены и указанные выше статьи в журнале Американского Востоковедного общества.

Статья Отто Мэнчен-Хэлфэна (Otto Maenchen-Helfen) является кратким обзором состояния юечжйской проблемы, главным образом в том виде, как она выступает в свете последних работ иранистов Бэйлэй (Bailey) и Хенинга (Henning) и Китаиста Галуна (Haloun). Резюмируя их работы о племенах юечжи, этнических названиях кушан, тохри и арси, автор останавливается на проблемах: 1) юечжи и кушан, 2) сака-кушаны в орде юечжи, 3) кушаны и классические источники, 4) кушаны и куша, 5) города Куша, 6) юечжи—куша, 7) аорси и тагорэ («Aorsi» и «Tagorae», 8) «Дигоры».

Касаясь первого вопроса, автор кратко реферировывает статьи Henning'a (Argi and the «Tokharians», BSOS, 9, 1938) и Haloun'a (Zur Üe-tsi Frage, ZDMG, 91, 1937), отмечая, что до сего дня этот вопрос остается научной проблемой, в отношении которой справедливы слова Пелльо, что «можно идти вперед только через работы последовательного приближения, где каждый использует работы своих предшественников и свою очередь пытается привести свои собственные замечания в предварительную систему, хрупкость которой он не скрывает» (стр. 72).

В разделе «Сака-кушаны в орде юечжи», опираясь на толкование японского уче-

ного Kuwabara Jitzuzo различий Цянь-ханьшу и Хоу-ханьшу, автор приводит оба текста и пытается доказать, что пять яггу страны Дася (Парфии) были «большие феодалы» (great feudatories), зависимые от юечжийского короля, подобно норманским дворянам, зависевшим от норманского короля, или монгольским князьям, зависевшим от монгольского кагана. В этой же главе автор утверждает, что саки и кушаны—это одно и то же племя. Автор пишет: «Кушаны говорили на языке сака [имеются в виду сивьдзянские саки.—А. Б.]. Язык их монетных легенд чистый Khotani Saka. Возражение Haloun'a, что кушаны могли лишь пользоваться языком сака, как законные наследники правителей Сакастана, может быть в общем отвергнуто. Ни один из сакских царей [Индии.—А. Б.] не чеканил монет с легендой на языке сака,—они пользовались греческим и индусским. Древняя кушанская чеканка происходила от чеканки грека Гермея, и позднейшие кушаны, правители огромной империи, не нуждались в легитимации. Они пользовались двумя языками: своим собственным и своих подданных» (стр. 73). Таким образом, Мэнчэн-Хэлфэн выступает против бактрийского происхождения кушан, так как бактриды говорили на согдийском языке. Наоборот, саки и кушаны носили один костюм и пользовались схожим вооружением, что говорит также об их сходстве.

В разделе третьем автор исключает из поля зрения погибших сакарауков (согласно Трогу) и пасианов, заявляя, что пасианы, несомненно (certainly), не кушаны, и оставляет для рассмотрения племена асиев и тохаров, причем он остается при убеждении, что асии были правящей группой во время завоевания Бактрии.

Четвертый раздел посвящен проблеме кушанов и «Куша». Автор приводит известные ему формы «Куша» в китайских транскрипциях в переводных буддийских сочинениях, в сирийской книге об Александре, в «Книге законов стран», ложно приписываемой сирийскому гностику Бардезану, у Аммиана Марцеллина и других, после чего он приходит к выводу, что основная форма—«куша», а форма «кушан» часто выступает то как прилагательное, то как винительный падеж, но всему этому автор не придает особого значения.

В разделе пятом о городах Куша автор пишет, что «кушаны дали свое имя многим городам» (стр. 75). Так, он отмечает город Кушания в Согде, Киш (Кеш)—современный Шахризъбс. Ссылаясь на Худуд ал-Алам, он отмечает города: 1) Кушан в Ланчжоу, где живут китайские и тибетские торговцы, 2) Kuschā—известный город в Китайском Туркестане, (3) Kusan—город вдали от дороги. Его правитель приходит из Тибета. Он находится, вероятно, к западу от Наньшаня, между Хуанхэ и Сининхэ. Потанин упоминает к западу от Ланчжоу местность Кушай или Гушай» (стр. 76). Первый и последний города автор склонен рассматривать как колонии Куш.

Отмечая, что название Хочжо произошло от Гаочан, он считает, что последнее является китайским произношением местного названия. На основании всех сопоставлений автор приходит к выводу: «Так как Kutsi, Ku-shih и Као-сh'ang (Kchān) были известны китайцам уже в период древнейших Хань, Kusha должны были поселиться в Северном Тариме задолго до того, как была основана империя Кушан» (стр. 77).

В заключение, разбрав вопрос о тохри, автор пишет: «В кушанских городах и поселках периода Хань во времена Тан говорили на языке Туҫг. Два из этих городов, именно Ku-shih и Као-сh'ang, находились в стране Туҫг. Tushag древних—это были юе-чки китайцев. Из этого следует, что Kusha «населяли» (чтобы пользоваться китайским термином) страну юе-чки. Мы едва ли можем избежать вывода, что юе-чки—это китайская транскрипция Kusha» (стр. 77).

После этого заключения автор в VI разделе рассматривает вопрос о юе-чки и куша и приводит различные транскрипции племенного названия юе-чки, утверждая, что куша = юе-чки. В одинаковом положении с ними были асии. Первые господствовали на востоке и затем во всей империи, вторые—только на западе.

В разделе VII о племенах «Aorsi и Tagogae» автор заявляет, что после распада кушанской державы эти племена выступают в лице сарматских племен Siraci и Aorsi восточный вариант aorsi = arsi). Автор поддерживает шведского ученого Jarl Charpentier по вопросу о тождестве Arsi—Asii—Asiani. Он считает, что эти племена прошли

Каспий, перешли Дон и двигались в западном направлении. «Движение сарматских племен в западном направлении может быть прослежено шаг за шагом в богатом археологическом материале, обнаруженном русскими учеными.

В курганах Кубанской области культура сарматов, проходивших здесь во II ст. до н. э., представлена так хорошо, что даже если бы отсутствовали какие-либо литературные данные, происхождение этих пришельцев из Центральной Азии было бы очевидно» (стр. 78).

Среди этих племен были и тохары (иногда в форме Satharchei) и арси. Для доказательства этого положения цитируются античные авторы (Птолемей, Плиний, Стефан Византийский и др.); однако тесной связи, как раньше, между тохарами и асиарси, уже не было.

В разделе VIII «Дигоры» автор останавливается на особой группе осетин, потомков алан, среди которых имеется племя дигоры, которых он считает прямыми потомками тохаров.

Заключение автора (IX) подводит итог его небезинтересному сжатою исследованию. В нем он пишет:

«Результаты нашего настоящего исследования, может быть, позволяют нам реконструировать историю юечжи, в виде попытки и предварительно, следующим образом: начиная с IV в. до р. х. и позднее китайцы знали варваров на северо-западе под названием куша-юечжи. Куша были господствующей группой. Племенное название было тогар (или вроде того). В невыясненное нами время куша-тогары попали под управление саков. Употребление двух названий «куша» и «арси» для обозначения правящей группы может, по нашему мнению, быть лучше всего объяснено, если допустить, что куша был тохарский термин для обозначения «благородных», тогда как сака называли себя арси.

Составная орда переселилась на запад. Одна группа, малые юечжи, остались в области Наньшань, другие поселились в оазисе бассейна Тарима; еще другие, после длительного пребывания в северном Тянь-Шане, завоевали Бактрию. Тогда в конце I в. до р. х. куша завоевали окончательное и решительное господство над всей ордой. В Индии, куда куша вторглись через короткое время, они продолжали называть себя этим именем, хотя имеются некоторые указания, что сакский термин ārsi также употребляется время от времени. Одна, может быть, большая, часть войска куша, должно быть состояла из «тохаря». Другие группы арси и тохари переселились далеко на Запад. В какое-то время во II в. до р. х. они перешли Дон. В I в. до р. х. они были уже в степях на Северном Кавказе и на берегах Черного моря. Их потомки—это as-digur среди осетин.

В Китайском Туркестане численно уступающие саки были поглощены тохарами. Хотя в течение длительного периода они были известны соседним народам под своим старым собственным названием, тохары сами постепенно отказались от этого названия в пользу названия их господ. Они стали называть себя ārsi. Предлагая такую реконструкцию, мы вполне сознаем ее гадательный (conjectural) характер и мы готовы видоизменить ее или совершенно отказаться от нее, если станут известны новые материалы, несовместимые с нею. В настоящей стадии нашего познания эта конструкция, по нашему мнению, соответствует всем историческим и лингвистическим данным» (стр. 80—81).

Такова концепция Отто Мэнчэн-Хэлфэна. Являясь возрождением старой гипотезы Шарпантье, она содержит, несомненно, много логически приемлемого, что, однако, не означает нашего полного согласия со всеми положениями автора. В другом месте мы уже пытались указать, что кушан является тохарской формой усунь—племен Тянь-шаня. Уход значительной части последних с Тянь-шаня, в силу гуннского нажима на рубеже нашей эры, документируется письменными китайскими известиями и археологическим материалом. Усуни, будучи только господствующим племенем, не могли определить характер культуры западных переселенцев, но могли дать им свое имя. Культура сарматов Северного Кавказа, Дона, Кубани, Крыма и южнорусских степей, вопреки автору, несет мало элементов центральноазиатского происхождения, но очень

много от среднеазиатских культур (не восточнее меридиана Ташкента). Это уже отмечали советские исследователи: Григорьев, Мацулевич и др.

Так, катакомбная культура Ташкентского оазиса имеет много черт сходства с северокавказскими культурными комплексами именно для сарматского времени. Это объясняется общностью массагето-аланского комплекса племен, растянувшегося по обширнейшему пространству среднеазиатских пустынь и оазисов, осью которых является Сыр-Дарья. Поскольку, во всяком случае, потомки массагетов были включены в состав кушанской державы в период ее расцвета (по С. Толстову, массагеты—это юечжи, а последние были этническим субстратом Кушанского государства), постольку не исключена возможность переноса последними на запад этнических имен их былых господ и включения в их состав значительных групп южных соседей тохаров. Последние и определили иранский элемент в сарматской культуре—явление широко известное, особенно со времен блестящих исследований М. Ростовцева.

Мы могли бы указать ряд мелких несогласий с автором, например, об отношении племенных названий усунь и кушан (что автор обошел молчанием, указав только на близость асии-кушан), об отношении юечжи и кушан (по моему, здесь нет возможности ставить знак равенства¹) и др., но в данном контексте это не имеет большого значения².

Приятно видеть, что автор опирается на исследования русских ученых, в частности на русскую археологию и ее выводы. Это приближение востоковеда-филолога к выводам археологической науки позволит и археологам снова заняться вопросом о восточных элементах в сарматской культуре—вопросом, который в последнее десятилетие был предан забвению, а оживление интереса к нему еще не получило отражения в печати. Будем надеяться, что статья американского журнала будет одним из многих поводов для советских ученых продолжать диспут по этому вопросу. Опускаем мы и критику его „сциологических“ взглядов в стиле Тарн—Ростовцев.

Вторая статья, которая привлекла наше внимание, принадлежит перу известного «тохароведа» F. Thomas'a.

В ней автор продолжает свои исследования блестящих находок Аврелия Стейна. В данном случае разбирается текст рукописи, добытой А. Стейном в Лоу-Лани в его 3-й экспедиции. Письмо этой рукописи еще А. Стейн сопоставил с письмом на монетах «белых гуннов». Автор (F. Thomas), опираясь на итоги изучения легенд кушано-сасанидских монет, в частности на работы Э. Херцфельда, устанавливает транскрипции афгалитского письма на основе греческого алфавита. Он считает, что отмеченный Сюань-Цзяном алфавит тухоло из 25 букв и манера писать слева направо связаны с греческим алфавитом (стр. 2).

Транскрипция текста, предлагаемая Томасом, не дает еще возможности для перевода этому осторожному автору. Однако по некоторым словам и по характеру рукописи он считает, что это не документ, а часть литературного произведения, возможно буддийского. Язык отрывка явно тохарский, и к отдельным словам он находит параллели из языков племен сарыкола и шугнана. Томас допустил ошибку, приняв датировку Стейна. Комплекс развалин, где был найден разбираемый Томасом фрагмент, Стейн неправильно датирует IV в. Томас безоговорочно переносит эту дату на документ, делая из этого вывод, что документ древнее первого появления «белых гуннов» (420 г.), и так как он буддийского содержания, то он имеет важное значение для тохарской проблемы как факт раннего проникновения западнотохарского письма в Синьцзян.

¹ Мы продолжаем считать термин юечжи—этническим термином. кушан—политическим.

² Отмечу последнюю статью по этому вопросу: И. Умняков, Тохары и тохарский вопрос, труды Узб. гос. ун-та, новая серия, № 31, серия истор. фил., вып. I, Самарканд, 1946.

Томас справедливо указывает на необходимость сопоставить этот документ с эфталитским письмом рукописи, хранящейся в Берлинском этнографическом музее (из собрания Леккока в Турфане). То, что наличие этого письма в Лоу-Лани важно как факт распространения эфталитского письма, это несомненно; еще важнее те первые сигналы, которые характеризуют ираноязычность произведения, от которого сохранился этот фрагмент. Но мы сомневаемся в датировках, основанных на показаниях Стейна, так как последний часто ошибался в своих хронологиях, что мы уже показали в другом месте¹.

Опубликованный Томасом документ—важное звено в исследовании тохарского вопроса,—указывает на распространенность эфталитских сочинений и ничего не говорит о физическом их распространении, так как сочинение могло попасть с паломником и вне зависимости от расселения самих эфталитских племен. В этом отношении эфталитские рукописи в Турфане, согласующиеся со своеобразием культуры этого и смежных оазисов до V—VII вв., явления, более органически связанные, чем эфталитский текст на фоне китайской культуры Лоу-Лани. Но об этом мы уже говорили в другом месте².

В заключение отметим, что рецензируемые статьи представляют большой интерес для советских ученых, для которых тохарская проблема в ее нынешнем состоянии, когда она связалась с проблемой сарматов и эфталитов, стала существенным вопросом древней истории народов СССР. Несомненно, что когда историческая тематика в тохарской проблеме привлечет и у зарубежных коллег больше внимания, то труды советских востоковедов и археологов займут более прочные позиции, что, видимо, уже начинает осознаваться, судя, прежде всего, по статье Otto Maenchen-Helfen

А. Н. Бернштам

R. ANGUS DOWNIE, James George Frazer. The portrait of a scholar, London, Watts et Co, 1940, VIII + 137 стр.

Популярный очерк о выдающемся английском этнографе и историке религии написал один из ближайших его сотрудников в области этнографии Дауни. Работа состоит из 9 глав: I—биография (стр. 1—19), II—«Золотая ветвь» (стр. 20—39), III—исследования об античности (стр. 40—52), IV—фольклор в Ветхом Завете (стр. 53—71), V—антропологические работы (стр. 72—87), VI—литературные исследования (стр. 87—97), VII—ученый (стр. 98—109), VIII—писатель (стр. 110—117), IX—человек (стр. 118—130). Как явствует из подзаголовка, на первый план в очерке выдвинут не личный момент, а научное значение ученого. Биографическим данным посвящена меньше чем 1/4 часть материала (I—II гл.). Это, конечно, производит очень выгодное впечатление. Уже одни заглавия разделов показывают многогранную научную деятельность Фрэзера. Для античников, пожалуй, наибольший интерес представляет III глава. В ней дана краткая характеристика Фрэзеру-классику. Работа Фрэзера в этой области, как известно, шла по двум линиям: во-первых, издание и комментирование античных авторов, во-вторых, исследования в области фольклора античных народов. Монументальные издания Фрэзера из области классической филологии принесли ему заслуженную мировую известность среди специалистов. Сюда относятся, не считая малоизвестного издания Саллюстия (1884), шеститомное издание Павсания (1888), двухтомное Аполлодора (1921) и пятитомное Овидия (1929), из которых издание Павсания не имеет себе равных. Это был результат девятилетнего труда и путешествий по Греции в 1890—1895 гг. Автор старается воздержаться от общих суждений насчет значения, заслуг и мировоззрения Фрэзера. Он ограничи-

¹ Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, VI.

² В докладе на пленуме памяти Н. Я. Марра 20/I 1946 г. «Усунь-кушан и тохары».